

Алексей Югов

## ДА, ВИНОВЕН!

Известный советский писатель-историк Алексей Кузьмич Югов недавно закончил документальную повесть, своеобразное историко-уголовное расследование, посвященное одному из неясных эпизодов русской истории — смерти малолетнего царевича Дмитрия, сына Ивана Грозного. Обстоятельства смерти царевича всегда вызывали ярые споры среди историков. Анализируя аргументы, приводимые ими в защиту своих версий, и основываясь на многочисленных документальных свидетельствах, А. К. Югов, врач по образованию, в свое время работавший судебно-медицинским экспертом, доказывает, что смерть царевича была насильственной, а не произошла в результате «падучей болезни», как указывалось в официальной версии, «подтвержденной» следствием, проведенным князем В. И. Шуйским. Прямым организатором убийства писатель считает самого Годунова, заинтересованного в захвате престола. Тем самым А. К. Югов подтверждает версию, положенную в основу трагедии Пушкина «Борис Годунов».

В мае 1591 года по Москве и Московскому государству разнеслась весть, что в Угличе кровавой смертью погибнул восьмилетний сын Ивана Грозного, царевич Дмитрий, неминуемый наследник престола после старшего брата — бездетного и слабоумного Федора. В народе крепнул и крепнул слух, что царевича зарезали убийцы, подосланные правителем Годуновым, жаждущим «шапки Мономаха», иначе говоря — престола. Почти во всех 6 летописаниях Смутного времени, русских и зарубежных, содержится это обвинение против Годунова.

Власть, достигнутая Борисом Годуновым еще при Иване Грозном, стала при царе Федоре Ивановиче неограниченной. Этому способствовало то, что царь Федор был женат на родной сестре Бориса. Историк С. Ф. Платонов, говоря о сыновьях Грозного от разных жен — Федоре и Дмитрии как «неспособных к правлению», пишет: «Старший... Федор не был *дееспособен*, а младший, Дмитрий, не был *правоспособен*» (здесь и далее разрядка моя.— А. Ю.). Имелось в виду, что Федор был неспособен править страной из-за слабоумия, а Дмитрий — по малолетству.

Годунов был фактическим самодержавным правителем государства, и ему то и дело отдавались царские почести. Английская королева Елизавета, например, называла его «кузеном», что принято было в обращении между государями.

Любопытно отметить, что та же королева Елизавета как-то обратилась к своему «кузену» Борису с просьбой, чтобы он, столь к ней благосклонный, сам, лично вершил суд над английскими «торговыми гостями» в России. На это ей довольно сурово было отвечено: «Борису Федоровичу *приказаны дела государственные, которыми государство держится*; английских купцов будут судить приказные люди».

Летописцы свидетельствуют, что Борис не только думал о вступлении на престол, но и готовил для Руси новую династию, свою, годуновскую.

Здесь достаточно и того факта, что он, будучи все же лишь правителем, а не царем, уже вовлекает в свои приемы иностранных высоких посольств непременно и сына-малютку, всего лишь восьмилетнего Федора Борисовича. Послы иноземных государей пишут в грамотах имя мальчика вместе с именем его отца; а в ответных грамотах Бориса именуется и его малолетний сын. Посольские «поминки» преподносятся и самому Борису и его сыну. Ответные дары посылаются с особым нарядом годуновских придворных не только от самого Бориса, но и от Федора Борисовича, отдельно. Свидетельств об этом исторические акты сохранили достаточно. Можно ли сомневаться, что Годунов уже заранее готовил преемственность своего будущего престола?!

Между тем современники отмечают «нелепое» поведение царевича Дмитрия, сосланного волею правителя Годунова со своей матерью Марией Нагой в Углич. Они угадывают в юном наследнике престола отцовское жестокосердие (Иван Грозный начал казнить бояр, когда ему было 12 лет), о чем говорит и такой факт, поведенный летописцами:

«...Однажды он велел своим товарищам, молодым дворянам, сделать из снега несколько изображений, назвал их именами известных бояр, поставил рядом и начал рубить: одному отсек голову, другому отбил руку, ногу, иного проколол насквозь, приговаривая: «Это такой-то боярин, такой-то князь: так им будет в мое царствование!»

Многие бояре, сим уstraшенные, видели в Дмитрии подобие Иоанна Васильевича и весьма желали, чтобы сын скорее отправился за отцом своим в могилу; а более всех желал этого Годунов, *коего фигуру царевич поставил выше прочих и отсек ей голову*. «Видна птица по полету!» — думал Годунов и решился, подобно Ироду, предупредить опасность: подкупленные им несколько человек зарезали царевича на том самом месте, где он обыкновенно игрывал, и тем проложили Борису путь к престолу». Последуем далее изложению летописных известий, как это сделано знаменитым русским историком С. М. Соловьевым.

«Царица Марья заметила враждебные замыслы Битяговского с товарищами и стала беречь царевича, никуда от себя из хором не отпускала. Но 15-го мая, в полдень, она почему-то осталась в хоробах, и мамка Волохова, бывшая в заговоре, повела ребенка на двор, куда сошла за ними и кормилица, напрасно уговаривавшая мамку не выводить ребенка.

На крыльце уже дожидались убийцы; Осип Волохов, взявши Дмитрия за руку, сказал: «Это у тебя, государь,

новое ожерелье?» Ребенок поднял голову и отвечал: «Нет, старое». В эту минуту сверкнул нож. Но убийца кольнул только в шею, не успев захватить гортани, и убежал. Димитрий упал. Кормилица пала на него, чтоб защитить, и начала кричать; тогда Данила Битяговский с Качаловым, избивши ее до полусмерти (в одной из летописей сказано, что они ее оглушили «палицей». — А. Ю.), отняли у нее ребенка и дорезали («пререзаша ему гортань», как сказано у летописца. — А. Ю.). Тут выбежала мать и начала кричать. На дворе не было никого, все родственники ее разошлись по домам. Но соборный пономарь, видевший с колокольни убийство, заперся и начал бить в колокол. Народ сбежался на двор и, узнавши о преступлении, умертвил старого Битяговского и троих убийц. Всего погибло 12 человек.



Обложка первого издания «Бориса Годунова»

Тело Димитрия положили в гроб и вынесли в соборную церковь Преображенья, а к царю (Федору) послали гонца с вестию об убийстве брата. Гонца привели к Борису (еще бы! — А. Ю.); тот велел взять у него грамоту, написал другую, что Димитрий сам зарезался по небрежению Нагих, и велел эту грамоту подать царю; Феодор долго плакал (как говорит летописец, плакал тайком от шурина своего, то есть Бориса Годунова! — А. Ю.)

Для сыску про дело и для погребения Димитрия посланы были в Углич князь Василий Иванович Шуйский, окольный Андрей (Петрович) Клешнин, дьяк Елизар Вылузгин и Крутицкий митрополит Геласий. Посланные осмотрели тело, погребли его и стали расспрашивать угличан, как по небрежению Нагих закололся царевич? Им отвечали, что царевич был убит своими рабами — Битяговским с товарищами, по приказанию Бориса Годунова и его советников. Но, приехавши в Москву, Шуйский с товарищами сказали царю, что Димитрий закололся сам. Нагих привезли в Москву и пытали крепко; у пытки был сам Годунов с боярами и Клешным...

Но с пытки Нагие говорили, что царевич убит. Царицу Марью постригли в монахини и заточили в Выксинскую пустынь за Белоозеро. Нагих всех разослали по городам, по тюрьмам; угличан — одних казнили смертию, иным резали языки, разсылали по тюрьмам, много людей свели в Сибирь и населили ими город Пелым, а с того времени Углич запустел...».

Закончив сделанный с поразительным искусством и верностью как бы «свод» летописаний Смутного времени, которые *единогласно обвиняют Бориса*, С. М. Соловьев с неотступной тщательностью, подлинно как следователь по особо важным делам, прослеживает все следствие, которое вел Василий Шуйский, изобличает Следственное

дело во многих противоречиях и несуразностях и выносит ему суровое осуждение:

«После всего этого не должны ли мы заключить, что следствие было произведено недобросовестно? Не ясно ли видно, как спешили собрать побольше свидетельств о том, что царевич зарезался сам в припадке падучей болезни, не обращая внимания на противоречия и на укрытие главных обстоятельств?»

Набело переписанное в Москве образцовой, прямо-таки каллиграфической скорописью, Следственное дело дошло и до нас, каким-то чудом, но с большим изъяном: нет начала и нет окончания. Но об этом — после! На так называемом Освященном соборе, под бдительной «режиссурой» «Борисоугодливого» патриарха Иова, оно было зачитано и принято как безупречное. И вот вам — приговор Освященного собора, запечатленный и в Следственном деле. Это уже одно, само по себе, говорит, что оно переписано в Москве.

«И патриарх Иев, со всем Освященным собором, слушав Углетцкого дела... говорил на Соборе... А перед государем царем и великим князем Федором Ивановичем всеа Русии Михаила и Григорья Нагих и углетцких и посадских людей измена явная; что царевичу Дмитрею смерть учинилась Божьим судом...».

Как справедливо замечает С. М. Соловьев, «Собор обвинил Нагих; но в народе винули Бориса, а народ памятливы...».

Да! Молву, «мнение народное», как сказано у Пушкина, запугать было трудно даже и «властодержавному правителю». А через столетия мы видим, что деятели отечественной исторической науки, такие, как Татищев, Карамзин, Соловьев, Костомаров, Ключевский, — достаточно и этих имен! — полностью сие «мнение народное» разделяют!.. Все они суть «адвокаты обвинения».

Историк Костомаров отмечает Следственное дело в первую очередь «по той очень ясной причине», что сам верховный следователь по угличским событиям позднее опорочил его;

«Следственное дело, известное нам в неполном виде по редакции, напечатанной в «Собрании Государственных Грамот и Договоров», никак не может для историка иметь значение достоверного источника по той очень ясной причине, что производивший следствие князь (впоследствии царь) Василий Иванович Шуйский два раза различным образом отрекался от тех выводов, которые вытекали непосредственно из его следствия, два раза обличал самого себя в неправильном производстве этого следствия. Первый раз — он признал Самозванца настоящим царевичем, следовательно, даже уничтожал факт смерти, постигшей царевича в Угличе; другой раз — он, уже низвергнувши и погубивши названного Димитрия, заявлял всему русскому народу, что настоящий Димитрий был умерщвлен убийцами по повелению Бориса, а не сам себя убил, как значилось в Следственном деле».

Карамзин, изучив угличское Следственное дело и имея в виду князя Василия Шуйского, возглавлявшего Следственную комиссию, прямо говорит, что все дело — «памятник его бесчестной лживости».

Но вместе с «мнением народным», которое отказалось поверить и следствию Шуйского, и решению Освященного собора, была в те времена и еще одна сила, которую трудно было запугать, — это наши нестыры и пимены Смутного времени. Что говорить, и у них были сочувствия и несочувствия к тому или иному историческому лицу, но летописание они считали подвигом душеспасительным, делом священным, а оболгание кого-либо — грехом:

Исполнен долг, завещанный от бога  
Мне, грешному...

Многим рисковал новый царь Василий Шуйский, бывший главный следователь угличского преступления, в смысле моральной репутации перед глазами своего народа и заграницы, делая впоследствии такие решительные заявления и тем самым роняя свой нравственный престиж: а чего же ты, дескать, лгал прежде, когда представил царю Федору, Борису-правителю и Освященному собору заключение, что царевич зарезался сам, в припадке «черной болезни»? Никто *царя Шуйского* за язык не тянул! Зачем было ему так осрамить *следователя Шуйского*?! Мог бы, кажется, оставить дело угличское в старом положении: ведь уже пятнадцать лет минуло. Нет, не мог! Вот это самое «*всем известно*» и не оставляло ему иной возможности! Некуда было деться! «Мнение народное», народ знал, что царевича убили.

Итак, Шуйский-царь, едва вступил на престол, тотчас же поспешил «дезаурировать» Шуйского-следователя, и не только всенародным и многократным заявлением, что Димитрий был умерщвлен по повелению Годунова, но и особым торжественным церковно-государственным актом: отрок Димитрий был объявлен великомучеником, святым, и его «мощи» были в неописуемо торжественной церемонии, при участии несметных народных толп, высших церковных сановников и самого царя, перенесены из Углича в Москву, в Кремль, и поставлены в Архангельском соборе «у правого столпа». Ко гробу мальчика был открыт доступ.

Пробился к его гробу и дьяк Иван Тимофеев и оставил нам драгоценнейшее свидетельство современника. Вот оно (даем в академическом переводе на современный язык):

«В гробу число одежд его было такое: одна, которая обычно при жизни его надевалась после первой на сорочку, была подпоясана; затем две одного качества, сотканые из белой ткани, которые надевались прямо на тело — сорочка и штаники, покрывающие нижние части тела до ступней; сверх них, кроме этого, с обувными платками (заплатками), вид их темно-красный; а шапка на честной его голове из-за недостатков моего зрения мною забылась, не знаю, была ли она тут с прочими (вещами), или нет.

Замечательно и то, чем занимался он во время его убийства: тогда и прежде не царством он занимался, — чего боялся Борис... но занятия его по всему было младенческое: потому что в гробнице, внутри ее, у святой его груди хранились орехи, тогда у него бывшие, обогранные при убийстве честной его кровью, (орехи), притом дикие; а

такая младенческая пища уже по самой природе своей не указывала на зломыслие».

Примечательно, что в довольно большой грамоте Василия Шуйского снова, как в свидетельстве очевидца, дьяка Ивана Тимофеева, упомянуты орешки окровавленные: «А на персях (на груди) орешки, положенные на персях горсть. Сказывают, что коли он играл, тешился орехами и ел и в ту пору его убили и орехи ему в горсти положили и тые орехи целы».

Думается нам, что «орешки» эти окровавленные в гробу мальчика многое могут сказать криминалисту, судебному медику, следователю! Вряд ли восьмилетний кроха, держа в одной ручонке горсть орешков, другой рукой метал бы «тычку в кольцо» или ножичек; а затем бы вдруг и зарезался в приступе эпилепсии.

В одно время с царем Василием и прямо над гробом своего зарезанного в Угличе восьмилетнего сыночка, обретенного ныне ею уже в ореоле великомученика, приносила всенародное покаяние и его мать — вдова Ивана Грозного Мария Федоровна Нагая, или, в насильственном постриге от Годунова, «инока Марфа».

Каяться же и ей было в чем! Не она ли, всего какой-нибудь год тому назад, перед всем народом признала, что «расстрига», как его именуют летописи, есть истинный сын ее Димитрий, чудесно спасшийся в мае 1591 года от злоумышления Годунова?! Не она ли во время встречи в селе Тайнинском с победно идущим к Москве Лжедмитрием изображала перед народом и боярами до слез несказанной радости потрясенную этой встречей мать-царицу, обретшую через пятнадцать лет своего сына уже в облике московского «всея Руси» царя — исполненного отваги и мужества, повелевающего высшими сановниками и несметным войском, двадцатитрехлетнего государя?! Наконец, не она ли, Мария-Марфа, приняла от Лжедмитрия все царские почести в Кремле, где он поселил ее, приблизив также к престолу вызванных из ссылки и братьев ее — Нагих, якобы дядьев своих?!

И вот она кается теперь в том, что самозванца, только что умерщвленного, почти у нее на глазах, она объявляла пароду своим сыном Димитрием, якобы чудесно спасшимся:

«...А тому истинно верьте, что то был не сын мой,— вор богоотступник, расстрига Гришка Отрепьев, и убит он ныне на Москве, мои очи его мертва видели (она же, инока Марфа, жила, как сказано, в Кремле, и ее водили взглянуть на труп Лжедмитрия!) - А истинный государь, мой сын, царевич Дмитрий, убит на Угличе... А ныне мощи его на Москве, в Архангиле Михаиле...».

Столкните два разновременных обстоятельства. Вот — майский день 1591 года в Угличе. Над трупом своего мальчика «царица Марья» впадает в неопишное неистовство гнева, скорби и мести. Выскочив из дворца, она поленом принимается сама, собственноручно что есть мочи лупить по бокам мамку — боярыню Волохову; затем, пробив ей голову, приказывает брату своему Михаиле Нагому продолжать избивание мамки. Тут же она велит набатом сзывать «весь мир», а сбежавшимся — убивать у нее на глазах тех, кого она заведомо считает убийцами ее дитяти. Она, в неистовом безумии отчаяния материнского, гнева и взрыва скорби, «наустила» «мужиков углетцких» убить не только сына Михаила Битяговского — Данилу, сына Василисы Волоховой Осипа да Микитку Качалова, но взбунтовавшиеся ею «черные люди» в конце своего стихийного самосуда умертвили даже и тех, кто заступался за Битяговских, за Волохову, за Никиту Качалова.

И ей все еще как будто недостаточно было жертв кровавой материнской мести: по ее приказу послано за некой женочкой юривой, которая прежде хаживала к царице, и приказано ее тоже убить, потому что ей, царице, пришлось в обезумевшую голову, что «буто та женка царевича портила» (Следственное дело; из допроса Василисы Волоховой).

Да простится мне старое уподобление, но это прямо-таки разъяренная тигрица, на глазах и вблизи которой убивают ее детеныша!

Но вот снова в такой же майский день перед глазами той же самой царицы, но уже в Московском Кремле, убивают ее сына, будто бы чудесно спасшегося тогда, в Угличе, да еще какого сына — всемогущего «царя всея Руси», который и Годунову отомстил, и ее снова возвел в царское достоинство из ужасов ссылки. И что же? Не только нет ни одного свидетельства, чтобы она хоть заплакала, что ли, а напротив — полное равнодушие, а потом и оплевание с ее стороны: «мои очи его мертва видели», и это, мол, «разстрига Гришка Отрепьев».

Да будь он действительно ее сын, юный, возвращенный ей судьбою, вззошедший на трон отца своего, Димитрий Иоаннович, тогда бы увидели картину такого ее яростного гнева, такого материнского отчаяния, которому ничто и никто не страшен, — и многочисленные очевидцы и участники убийства Лжедмитрия представили бы нам образ такой ее скорбной лютости, перед которым угличской ее облик в день 15 мая 1591 года показался бы... кротким!

Однако вернемся к тем особенностям совершившегося в Угличе преступления, в которых, мне кажется, следователь, судебный медик, а шире говоря — криминалист должен будет усмотреть особую весомость. Чем, по рассказу современника-летописца, убийцы Димитрия оглушили кормилицу Орини? «Палицей», сказано. А что же такое палица? Это — короткая дубинка с утолщенным концом. Хитрый выбор! Ее очень просто было, спрятанную, нести в рукаве кафтана, особенно — кафтана тех времен. Кормилица бесспорно знала убийц в лицо как постоянных «бывальцев» Угличского кремля (если только не обитателей); знала как молодых дворян, высокостоящих, родственников «самого» царского дьяка Михаила Битяговского. По другим летописным известиям, был еще и третий участник убийства — сын мамки царевича, то есть главной «придворной дамы» по бережению Димитрия и по уходу за ним, боярыни Василисы Волоховой. Можно ли сомневаться, что и сыну столь важной особы невозбранен был вход и выход из кремля?! Все трое — Данило Битяговский, Никита Качалов и Осип Волохов — были дружны между собою.

Пытаясь опорочить во что бы то ни стало приводимые Костомаровым свидетельства летописцев-современников, один из его оппонентов придумывает возражение попросту говоря нелепое: если, дескать, убийцы

ударили кормилицу, то почему они «ее, свидетельницу преступления, оставляют в живых»? Вот те на: стало быть, среди бела дня оставить возле дворца еще и тело убитой ими же взрослой женщины из окружения царицы и Дмитрия, — тогда как целью убийц было быстрее умерщвление отрока, для чего они считали вполне достаточным бессознательное состояние, хотя бы и краткое, кормилицы Орины: «ушибли палицею... омертвев пала на землю».

Однако ведь они вслед за убийством Дмитрия сами же и завопили! Что за неосторожность?! Им бы бежать скорее, покуда кормилица не пришла в сознание! Есть и такие возражения. Но здесь мы предоставим слово самому Н. И. Костомарову с его замечательной «реконструкцией» угличского убийства.

«Они (убийцы) выбрали и время самое подходящее: Нагие ушли обедать, царица была в хоромах, ребенок гулял с одною кормилицею, и кроме нее никого с царевичем не было; кормилицу ударили (оглушили, а не просто ударили.— *А. Ю.*), чтобы она не увидела того, чего никто не должен был видеть; в тот же момент перерезали горло ребенку да сами же и стали кричать, что царевич зарезался, Они же и свидетели. Не взволнуйся народ — вся беда обратилась бы на бедную кормилицу, если бы она осмелилась заявить себя против них: свидетельство убийц было бы принято, и было бы им хорошо, и наоборот — плохо тем, которые дерзнули бы говорить, что царевича зарезали они...».

Далее этот выдающийся историк, подлинный «эксперт обвинения», говорит:

«Путь, какой выбрали убийцы, был вполне удобен и мог увенчаться совершённым успехом, если бы царица не взволновала народ набатным звоном: только этого последнего обстоятельства убийцы не рассчитали и не предвидели».

Кем они были подсланы или чье вождение, им прекрасно известное, они выполняли, рассчитывая на могучую заступу,— надо ли повторять?!



И. Глазунов. «Борис Годунов» (фрагмент)

С каким же все-таки расчетом убийцы, зарезав Дмитрия, сами же вслед за тем и завопили?

Вот костомаровское объяснение:

«Из приведенного рассказа видно, что убийцы совершили свое дело в некотором отношении ловко. Убийство произошло без свидетелей. Кормилица, ошеломленная ударом, не видела ничего. Убийцы, перерезав горло

ребенку, сей же час начали кричать. О чем они кричали? Конечно, о том, что царевич зарезался сам. Понятно, зачем они ударили кормилицу и каким бы образом они объяснили этот удар впоследствии, если бы остались живы. Они бы, вероятно, сказали, что кормилица не досмотрела за царевичем; они увидели, что с царевичем припадок («черной болезни»), что у него в руках нож; с досады (дескать) они ударили кормилицу, сами бросились на помощь к царевичу, но уже было поздно; он мгновенно перерезал себе горло. Им бы поверили, да кормилица, ошеломленная ударом и не видевшая, как они резали ребенка, не смела бы ничего сказать против двух свидетелей...»

След злосчастной четы — кормилицы и ее мужа вскоре наглухо исчезает из угличского дела! Тут, правда, надо непременно сказать, что подлинник Следственного дела про «убийство царевича Дмитрия Угличского», как значится на обороте последнего из дошедших до нас листов бывшего большого свитка, или «столбца», — подлинник этот не имеет ни начала, ни конца. А в конце-то, надо полагать, и означены были приговоры Борисовой «администрации» и всем Нагим, и кормилице. А то как же иначе?!

Куда же делись начало Следственного дела и его конец? Один из авторитетнейших палеографов и археографов конца прошлого века и первой четверти нашего А. С. Беляев, немало специального труда посвятивший исследованию всей угличской трагедии, и в особенности подлиннику Следственного дела, убежденно, без всяких колебаний, утверждает, что и конец, и начало были оторваны злонамеренно, еще на исходе XVI века и в начале XVII, по приказу кого-то из царей, а скорее — каждого из них, в свою очередь и в своих целях: и Бориса Годунова, и Лжедмитрия, и, наконец, Василия Шуйского, бывшего главного следователя по Угличу.

Читателю бесполезно будет узнать сначала то краткое определение, которое дает известный археограф подлиннику Следственного дела:

«Весьма тщательно написанный документ, хранящийся в Московском иностранном архиве и рассматриваемый нами, есть без сомнения беловой экземпляр производства в Угличе, составленного и написанного там начерно».

Таковым беловым Следственное угличское дело и должно было быть ввиду предстоящего представления его следователями царю и далее «на суд патриарха и святителей».

Это указанное археографом важнейшее, исторически доподлинное обстоятельство — *переписки набело всего угличского Следственного дела в Москве, в канцеляриях Годунова*, его дьяками и подьячими, круто должно изменить, уже в силу одного этого, наш взгляд на достоверность всех записанных там показаний, что Димитрий, дескать, в припадке «черного недуга» сам «набрушился на нож».

...Трудно допустить, чтобы кто-либо из Освященного собора решился и смог «контролировать» записанные там показания 152 допрошенных; невероятно, чтобы дьяк разворачивал перед боярами и духовными сановниками всю «скатку», а кто-либо из них смотрел бы при этом, для контроля, в записанное там!

Вот убежденный вывод Беляева:

«1. В Угличе произошло 15-го мая 1591 года убийство ребенка, а не самозаклание от игры в свайку.

2. Князь В. И. Шуйский с товарищами вел следствие несправедливо.

3. Подлинная рукопись угличского Следственного дела, вскоре после его окончания, в интересах Годунова, Лжедмитрия и царя В. И. Шуйского, во многом убавлена и даже подтасована».

В «экспертизе» Беляева мы имеем любопытный пример, когда более опытный и вдумчивый учит, при столкновении мнений, менее опытного и одержимого предвзятостью.

Издавший фототипическое воспроизведение Угличского следствия Вл. Клейн пытался объяснить явные изъяны подлинной рукописи губительным влиянием времени, подмочкой...

Но предоставим слово эксперту. Вот что говорит он по поводу «водяных пятен г. Клейна», то есть следов подмочки на самых начальных листах («склейках») подлинника, где говорится о приезде в Углич следственной комиссии князя Василия и о первых показаниях приводимых к допросу:

«Г. Клейн, ставя так вопрос, говорит с современной нам точки зрения, с положения документа в настоящее время, забывая старину. Ведь даже по его диагнозу водяные пятна относятся к положению дела... в теперешнем расположении его листов, т. е. в таком порядке, где действительное начало дела о приезде Шуйского и т. д. является уже верхними листиками... Но при производстве самого следствия был другой порядок: там нынешнее начало было... в его (столбца, свитка) центре; а конец составляли верхние склейки столбца, к которым приклеивались все вновь поступающие бумаги (каждый лист — к нижнему краю предшествующего), и с ними столб вновь наворачивался, увеличиваясь в диаметре (листы дела, как было заведено в те времена, подклеивались один к другому и скатывались в свиток. Начало при этом оказывалось в самой середине свитка). Таким образом, последние склейки, до 63 включительно, по настоящему составу «Дела» («настоящему составу» — т. е. нынешнему, не «столбцовому виду») были (тогда, при Годунове) верхними, а на них как раз отсутствуют водяные пятна; следовательно, и вся теория этих последних... отпадает, а является естественный вопрос: как могло утратиться действительное начало дела, находясь в самом центре его?»

Если бы, — продолжает А. С. Беляев, — по окончании дела никто им не интересовался, тогда бы и столбец никто не раскатывал и все начало целиком дошло бы до нас; мог бы утратиться конец Дела — его оберточные листы, а середина бы осталась! До водяных пятен из него изъяли начало, изъяли конец, перекатали столбец началом вверх (сверху); забыли о нем, и тогда он, может быть, подвергся где-нибудь в сыром месте подмочке, получив водяные пятна».

На обороте первого листика подлинной рукописи Угличского дела сохранилась надпись весьма знаменательная: «Дело розыскное про убийство царевича Димитрия Ивановича на Угличе... конц. и начала нет».

И Беляев заключает:

«Надпись совершенно верно поясняет существенный вопрос: что было убийство и что в рукописи нет начала и конца».

Злостная и шитая белыми нитками (в силу спешки) неправда Угличского следствия вскрывается еще одним чрезвычайным обстоятельством, а именно: в показаниях огромного числа людей, привлеченных к допросу, с поразительным, назойливым однообразием повторяется все один и тот же «стереотип» — как в смысле существа трагического события, так и в смысле словесного выражения, — как будто один и тот же человек свидетельствует! Таковых свидетелей А. Ф. Кони, известный судебный деятель своего времени, метко называет: «самые достоверные лжесвидетели».

И вот что примечательно: заповку-то этого «стереотипа» дает запись показания все той же «мамки царевичевой» Василисы Волоховой. Напоминаю некоторые ее «фразеологические единицы» по записи Следственного дела: «А играл царевич ножиком, и тут на царевича пришла опять та ж черная болезнь, и бросило его о землю, и тут царевич сам себя поколол в горло, и било его долго...». Теперь давайте сравнивать!

Вот показание некоего совсем, можно сказать, постороннего лица, «губного старосты», который отнюдь в «самоочевидцы» не напрашивался, да таковым и не был, — но, однако: «Сказал Углецкой губной староста Иван Муранов про царевичеву смерть: тешился де-и царевич у себя на дворе с жильцы своими, с робятки, тыкал ножом, и в те поры пришла на него немочь падучая, зашибло ево о землю и учало ево бити. Как де ево било, и в те поры он покололся по горлу ножом сам, и от того он умер».

Даже истопники, стоявшие о ту пору «в передних сенях», то есть никак не могшие видеть, что происходило в эти мгновения «на заднем дворе», и те дружно повторяют словесную «колодку» из записи показаний Василисы Волоховой.

Кого-кого только не допросили, иных кучками, чохом, — и поваров, и каретников, и сторожей, и скатертников, и «помясов», и «сытников», — но даже и те, кто, по собственному их признанию, «стряпали в поварне», то есть заведомо очевидцами быть не могли, — даже и те почему-то свидетельствуют в Угличском документе «стереотипом» из показаний Волоховой: «Тешился, де-и, царевич на дворе з жильцы в тычку ножом... и пришла де-и на него немощь падучая, да зашибло ево о землю и било его долго и в ту, де-и, пору, как ево било, покололся ножом сам».

Особенно «умиляет» это общее заимствование из допроса Василисы: «било ево долго»! Но одному из защитников Годунова оно всерьез понравилось: вот видите, рассуждает он, превращаясь уже в судебного медика, отчего и рана-то на шее царевича оказалась такая широкая: «Юдин говорит, что когда царевича бросило на землю, то било его долго. Это очень важно, потому что объясняет причину, почему у царевича образовалась широкая рана...». Читаешь — и глазам не веришь: да уж не «открытие» ли это в судебной медицине? Мальчик восьми лет, сраженный приступом эпилепсии, держал в ручонке нож (по другим показаниям «свайку»), уколол себя в горло, но этот нож не был отброшен прочь судорожной бурей эпилепсии, так называемыми «клоническими судорогами». И не поранил себя царевич в разных местах, нет, — дитя якобы принялось пилить и пилить себя по горлу, все по тому же самому месту, пока не сделалась «широкая рана»!

Современники-летописцы тоже свидетельствуют, что смертельная рана на шее несчастного дитяти была широкой, но потому, что... убийцы перерезали ему гортань — «пререзаша ему гортань»!

Однако спросим себя, кто же этот «Семка Юдин», этот «самый достоверный лжесвидетель», на которого вздумал опереться защитник Годунова?

Юдин по Следственному делу, единственный человек из челяди угличской дворцовой, который отчаянно заявил, что видел даже, как зарезался царевич «сам». Следователям ничего не стоило уличить его во лжи, если бы они радели о праведном суде. Вот что сказал Семка Юдин:

«И пришла на него немочь падучая, и бросило его о землю, и било его долго, и он покололся ножом сам. А он (Семенка Юдин) в те поры стоял у поставца, а то видел».

У «поставца», то есть, по-нынешнему говоря, у буфета, из которого подавались блюда на стол.

Вот тут-то, казалось бы, Шуйскому или Клещину и спросить: «Ты видел, как царевич бился долго на земле, да тут и «покололся ножом сам», так почему же ты продолжал спокойненько стоять у своего поставца?! Как ты посмел?! Задали бы и еще вопрос: «А не врешь ли ты, что видел? Как ты мог видеть происходящее на заднем дворе, за дворцом, когда ты стоял в передней, у поставца? А почему же все другие, которые тоже стояли в это время с тобой у поставца же, никто не видел, как бился царевич на земле долго и как зарезался «сам»?!»

Еще Н. И. Костомаров с гневом и сарказмом обрушивался на этокое сочинительство Следственного дела:

«спрашивается, как бы ни были просты женщины, окружавшие ребенка, но возможно ли предположить, чтоб оне все были до такой степени глупы, чтобы после всего, что царевич уже делал, давали ему играть с ножом? И неужели мать не приняла мер, чтобы у мальчика не было в руках ножа. Допустим, однако, что несчастный больной царевич был предоставлен на попечение таких дур, каких только можно было, как будто нарочно, подобрать со всей Московской земли... Он играет в тычку с детьми, с ним делается припадок; судя по тому, как он кусал девочке руки, бросался на жильцов и постельниц и даже ранил мать свою, надо было ожидать, что царевич ударит ножом кого-нибудь из игравших с ним детей; нет, он сам себя хватил по горлу!..

...И как же, слыша эти показания, следователи не сказали давшим их: «Вы видели, как с царевичем сделался припадок, почему же вы не бросились к нему и не отняли у него ножа?» Да подобное равнодушие почти равняется убийству!»

В заключение этой главы — еще одно соображение «судебно-медицинского» порядка. Сраженный внезапно приступом эпилепсии, «больной падает чаще вперед и в сторону, реже назад». Стало быть, если у него в руке нож или свайка для игры в «тычку», то уколоть себя в лицо или шею, теоретически говоря и отвлекаясь от Угличских обстоятельств, такой больной, конечно, мог бы, хотя, само собой разумеется, окружающие не дали бы ему истечь кровью. Однако применительно к царевичу Димитрию даже и такой «укол» шеи со столь ужасными последствиями приходится признать невероятным.

До сих пор исследователи угличского убийства забывают обратить внимание, что на мальчишке в момент припадка был «кафталец» с ожерельем, и неверно толкуют самое слово «ожерелье» как только, дескать, нечто вроде крупных бус. А между тем в данном случае это не так. Вспомните причитания царицы-матери над гробом Дмитрия в Архангельском соборе, когда она опознает одежды своего мальчишки, в которые она его обряжала в последний раз там, в Угличе. «И ожерельице, что я положила, низано жемчугом, цело», — говорит она.

Известно, что в древней Руси кафтаны и «кафтаныцы» у детей имели стоячий ворот. У царевича, вполне понятно, он мог быть и расшит жемчугом. На детской шее такой стоячий ворот оказался бы защитой, даже при падении вперед...

Впрочем, это — если бы действительно так происходило!



«Лже-Дмитрий». С портрета, гравированного в 1606 году

Но, по свидетельству летописей, не «ножичек» и не «свайку» детскую для метания в кольцо, лежащее на земле, а нечто более страшное — «нож убийц» увидели Шуйский, Клешнин, митрополит Геласий и дьяк Вылузгин на окровавленном теле убиенного. Но где этот нож? Он многое мог сказать о причине смерти Дмитрия! Ясно, что ему, ножу этому, не место было при донесении Следственной комиссии «благоюродивому» Федору и Освященному собору. Но тогда, по крайней мере, *почему не был сохранен и представлен в качестве вещественного доказательства тот ножичек, которым будто бы играл царевич?*

Приведя этот естественный, глубоко обоснованный вопрос историка-обвинителя, защитник Годунова (исследователь середины XIX века Белов) думает отстранить его следующим выпадом:

«Замечание совершенно справедливое с точки зрения писателя XIX века; но следователям XVI века такие тонкости могли и не прийти в голову».

Этим мнимым опровержением защитник только показал, что у него ложное представление о судопроизводстве и о следственном деле в древней Руси! Да и уж Соловьев ли бросил бы свой попрек Угличскому следствию без достаточных познаний в этом предмете?! Дело как раз в том, что юстиция древней Руси в судебном следствии отличалась исключительной, дотошной тщательностью, начиная со времен «Русской Правды» и кончая Судебником Ивана Грозного, каким и должны были руководствоваться Василий Шуйский и Андрей Клешнин. «Как судить боярам, окольниковым, дворецким, казначеям, дьякам и всяким приказным людям, по городом наместникам, по волостям волостелям, их тиунам и всяким судьям», — значилось в этом последнем судебном следственном обязательном руководстве. «Сыск», или «обыск», истинных подробностей дела был доведен до возможного по тем временам совершенства. Все, все было предусмотрено, вплоть до «экспертизы» почерков! «Ложный обыск» жестоко карался. Всякого рода «поличные», то есть вещественные улики, предусмотрены были по всем разновидностям судебных тяжб и процессов.

Три достовернейших летописца, для которых правда истории была превыше всего, — Катырев-Ростовский,



Аврамий Палицын и дьяк Иван Тимофеев, — высказывая свои уверенные суждения о виновности Годунова в угличском «убийстве», не забывают, однако, воздать хвалу государственным достоинствам «властодержавного правителя». Тут нет никакого противоречия, а напротив — усиливается достоверность их показаний. Поэтому не выдерживает критики постоянный припев некоторых защитников Бориса, что, дескать, о его виновности летописцы говорят «как бы нехотя». Иначе и быть не могло!

Да разве и Пушкин в своей трагедии не проникнут явственным сочувствием к Борису, благородному и мудрому? И разве не передается это нам? Но ведь в полном согласии с народными массами Смутного времени и с летописцами — современниками Бориса творец бессмертной трагедии также считает его виновным в угличском убийстве. И не «набрушился на нож», играя «в тычку», царевич Димитрий у Пушкина — нет, отнюдь, — и верьте ему: он воссоздает в гениальных и кратких словах подлинную картину угличской трагедии, влагая рассказ о ней в уста летописца:

#### Пимен

Ох, помню  
Привел меня бог видеть злое дело.  
Кровавый грех. Тогда я в дальний Углич  
На некое был послан послушанье.  
Пришел я в ночь. Наутро в час обедни  
Вдруг слышу звон, ударили в набат,  
Крик, шум. Бегут на двор царицы. Я  
Спешу туда ж — а там уже весь город.  
Гляжу: лежит зарезанный царевич;  
Царица мать в беспамятстве над ним,  
Кормилица в отчаяньи рыдает,  
А тут народ остервенясь волочит  
Безбожную предательницу-мамку...  
Вдруг между их, свиреп, от злости бледен,  
Является Иуда Битяговский.  
«Вот, вот злодей!» раздался общий вопль,  
И вмиг его не стало. Тут народ  
Вслед бросился бежавшим трем убийцам;  
Укрывшихся злодеев захватили  
И привели пред теплый труп младенца...

В следственной практике по уголовным делам существует обычай или прием: воспроизводить, реконструировать предлагаемую картину расследуемого преступления — убийства, например: как, дескать, все происходило или могло происходить? Пушкин, которого даже известный историк М. П. Погодин именует «знатоком Борисовой истории», и развертывает перед нами такую картину. При этом он вовсе не шел доверчиво вслед за летописцами и историками своего времени, но и сам был историком глубоким и прозорливым, что в наши дни все более и более раскрывается. Приведенное им свидетельство есть плод его собственных изысканий, безупречных, надо сказать, даже с точки зрения современной исторической науки.

Великий поэт и гениально прозорливый историк — Александр Пушкин в своей бессмертной трагедии воссоздал истинную, непререкаемую правду истории.

---

#### Лично-субъективные замечания Pretich

1). «Старший... Федор не был *дееспособен*, а младший, Димитрий, не был *правоспособен*». Имелось в виду, что Федор был неспособен править страной из-за слабоумия, а Димитрий — по малолетству. Однако вполне вероятно имелось в виду и другое — т.к. царевич Дмитрий был незаконнорожденным... Он родился от шестого брака Ивана Грозного, в то время как тогдашние обычаи разрешали максимум три...

2). Летописцы свидетельствуют, что Борис не только думал о вступлении на престол, но и готовил для Руси новую династию, свою, *годуновскую*. Весьма сомнительное утверждение! Если они так и свидетельствуют, то позднее, задним числом в угоду либо Лжедмитрию, либо Шуйскому, либо Романовым... Из всего поведения Годунова выходит как раз таки обратное — он надеялся на рождение наследника от царя Федора — такой возможности он не исключал. Даже когда родилась царевна, он пытался устроить ее брак с австрийским принцем, чтоб *тот* уже стал царем...

3). «Видна птица по полету!» — думал Годунов и решился, подобно Ироду, предупредить опасность... Приведенная цитата Соловьева вообще некорректна — кто знает ЧТО думал Годунов?! Если Автор приводит аргументы такой сомнительной достоверности, видимо в силу неимения других, более весомых.

Здесь, как и далее Соловьев пишет более как литератор, а не как Историк... оценка соответственно его труда в данном случае должна быть иной.

**4). Никто царя Шуйского за язык не тянул!** Когда Шуйский стал царем, его еще как тянули за язык! Кто? Обстоятельства! Политика и шаткое положение. Неспроста ведь он два раза менял свои «показания»...

И что 15 лет минуло, вовсе не сняло проблемы Лжедмитриев...

Народ хоть и частично, но верил, что Лжедмитрий и есть истинный царевич Дмитрий – Шуйский сперва это пытался опровергнуть простым подтверждением реальной смерти царевича 15 лет назад путем подтверждения Следственного дела. Но для эффективности пришлось прибегнуть к канонизации «святого» Дмитрия – невинно убиенного. Так как в народе везде говорилось о чудесах, происходивших на могиле Лжедмитрия-Отрепьева... Надо чтобы чудеса *истинного* царевича побороли чудеса самозванца! Церковь естественно не могла канонизировать самоубийцу, пусть и нечаянного. Тут и подняли все слухи и сплетни прошлой поры.

Примечательно, что во времена избрания Бориса Годунова на царство, его противники почти не пользовались таким сильнейшим *компроматом* как цареубийство! А ведь Шуйский был одним из вождей оппозиции, весьма популярным в народе, один из первых реальных кандидатов на престол! Он имел бы полную возможность стереть Годунова в порошок, *имей факты*, говорящие против ненавистного им Годунова!

**5).** Примечательно и свидетельство дьяка Ивана Тимофеева. Особенно по части орешков со следами крови...

Эту сказку вполне доказательно рассмотрел Р. Г. Скрынников, я же повторю за ним: 15 лет орешки лежали на разлагающемся теле и хоть бы хны им! Даже пятна крови сохранились! Попахивает весьма грубым подлогом, рассчитанным на темную толпу... Секунду этот дьяк с плохим зрением находился у гроба царевича, а разглядел!

Второй момент: **Думается нам, что «орешки» эти окровавленные в гробу мальчика многое могут сказать криминалисту, судебному медику, следователю!** Действительно – эти орешки многое должны были бы сказать криминалисту, однако не сказали... А вывод напрашивается сам собой: как помним эта статья была опубликована в 1979 году, значить Автор в любом случае не рассматривал версию чудесного, сверхъестественного явления – сохранности орешков в течении 15 лет – время атеизма! Криминалист же, судебный медик или следователь ВСЕГДА опирается на *естественные* улики и факты, игнорируя все «сверхъестественное»... Случай с орешками, если он 100% правдоподобен без сомнения следует отнести к чудесному, сверхъестественному.

Второй момент, который должен был насторожить не только криминалиста, но и любого Читателя – именно *следы крови* на орешках – «окровавленные орешки». По всей вероятности эти орешки были положены в гроб с царевичем непосредственно перед акцией, орешки были измазаны *именно красной краской*, а не кровью! Так как настоящая кровь очень быстро бы впиталась в скорлупу орехов, быстро бы потемнела и вообще, изначально, цвет ее был бы темно-коричневый, который вряд ли произвел бы эффект «окровавленности»...

Именно это сознательно или нет, игнорирует «криминалист» Югов.

**6).** Свидетельство матери – Марии Нагой. Какова ему цена? Коли совсем недавно из НЕКИХ побуждений признала в Лжедмитрии сына своего? А теперь – что она могла признать в прахе давно истлевшем? Снова из НЕКИХ побуждений?

Как и в случае с Шуйским, неоднократно менявшим свои «показания», так и здесь – весьма и весьма сомнительное доказательство! Более того, оно уже само по себе есть признак *нечистой игры*...

Притом, что останки в гробу без сомнения принадлежали именно царевичу Дмитрию, только мотивация всего этого действия откровенно указывает не на поиск истины, а наоборот.

**7).** Алексей Югов пишет: **Тут же она велит набатом сзывать «весь мир»...** а чуть ранее: **соборный пономарь, видевший с колокольни убийство, заперся и начал бить в колокол...** Чему верить? Коля в таком «простом» вопросе не можешь договориться сам с собою – к чему вообще тогда затевать обвинительные речи?

Так кто был инициатором колокольного боя, который привел народ к погромам и убийствам? Кто спровоцировал мятеж?

**8).** По поводу сохранившихся бумаг Следственного дела. В этом вопросе можно найти вполне исчерпывающие данные в работах Р. Г. Скрынникова, например «Борис Годунов» и проч. какие вы можете так же скачать с нашего сайта [www.pretich.narod.ru](http://www.pretich.narod.ru) в разделе «История Руси, России» или на сайте [www.wasp.kz](http://www.wasp.kz) в разделе «Библиотека».

Остановлюсь на некоторых моментах:

1 - То, что бумаги были переписаны на бело – вполне естественная вещь, ведь «дело» предназначалось для чтения в Боярской Думе... а это априори предполагает более высокий уровень во всем, нежели «доклад» с каких-то там обрывков бумаги, отдельных листов и проч.

2 - То, что повсеместно встречается одна и та же формулировка вопросов и ответов, так же вполне объяснимо: тогда, да по сути и сейчас, ВСЕ дела ведутся по определенному шаблону, задается *один вопрос* и записывается *один ответ* – в строго «казенной» формулировке... Более того, если свидетель и допускает некие «вольные» толкования, следователь всегда запишет его «вольности» строгим регламентированным языком, принятым в данное конкретное время в его ведомстве.

3 – То, что Следственное дело не имеет начала и конца конечно прискорбно, но *по-сути* не меняет существа! Данный нюанс также рассматривался Скрынниковым и нашел свое объяснение. Тем не менее, в данном факте нет ничего, что могло бы бросить тень на Годунова – уж он-то мог изначально сфабриковать идеальный документ, из которого ничего не надо было бы выбрасывать! Годунов в порче этого документа, следовательно, отпадает.

Лжедмитрий I – тот бы попросту уничтожил все это Следственное дело, что и свершилось бы, если б у него достало времени... Василий Шуйский, ставши царем, получивший доступ к таким, якобы компрометирующим его документам, так же не стал бы выдирать начало и конец, т.к. *вся суть* дела заключается именно в середине – в самом следствии, которое *он вел!* А начало и конец – по сути не зависели от него: не он сам себя назначал в следователи и не он сам определял начальный этап следствия, так же как и не он один выводил заключение и приговоры...

4 – Скорее всего здесь имеет место обычная естественная порча документа, каковая имеет повсеместное распространение...

9). **И неужели мать не приняла мер, чтобы у мальчика не было в руках ножа?..** а теперь сравним с тем, что Югов говорил ранее: **Царица Марья заметила враждебные замыслы Битяговского с товарищами и стала беречь царевича, никуда от себя из хором не отпускала...** Что говорить о мамках и кормилицах, когда уже здесь такая несусразица?! Коль она видела враждебные замыслы Битяговского и *ни чего не сделала*, чтоб уберечь сына, то отнимать ножик (по сути, игрушку, но вполне опасную) она и подавно не подумала! Ведь вероятность *такой* гибели была для нее более чем гипотетической!

10). **...окружающие не дали бы ему истечь кровью. Однако применительно к царевичу Димитрию даже и такой «укол» шеи со столь ужасными последствиями приходится признать невероятным.** И снова либо некомпетентность, либо умышленное искажение... Остановлюсь на двух моментах:

1 – Автор видимо не в курсе подобной игры – «в тычки»: играющие бросают нож при этом резко наклоняя тело вперед... Нож берется не за рукоятку, а за острый конец лезвия. Т.е. если в подобный момент случится припадок, вероятность нанесения себе травмы высока.

2 – В области шеи находятся две жизненно важные артерии, повреждение которых вызывает неминуемую смерть – это сонная артерия и яремная вена. Сомневаюсь, что даже сейчас медицина может остановить кровотечение из этих артерий, а тогда это было 100% невозможным!

11). **«Вы видели, как с царевичем сделался припадок, почему же вы не бросились к нему и не отняли у него ножа?»** Да подобное равнодушие почти равняется убийству! Здесь так же просто риторика... Во-первых все произошло мгновенно, так, что никто среагировать не успел; во-вторых, зная нрав царевича далеко не каждый бы решился *отнять* у него что бы там не было; в третьих, *лезть не в свое дело всегда чревато, а тогда тем более!!!*

12). Известно, что в древней Руси кафтаны и «кафтанцы» у детей имели стоячий ворот. У царевича, вполне понятно, он мог быть и расшит жемчугом. На детской шее такой стоячий ворот оказался бы защитой, даже при падении вперед... Ну, ожерельице оно и есть ожерельице... а стоячий ворот назывался *козырь* – именно его имеет в виду Югов... Однако не следует этот воротник выставлять как некое средство защиты! Он делался чаще всего из бархата и подобных мягких материалов... Впереди он имел вырез, так что защита спереди отпадает.

На иконе начала XVII века таковой элемент отсутствует, наоборот – шея открыта, присутствует оплечье (барма) ... Разумеется, икона не может служить доказательством, однако, думается, если б на ней Дмитрий был бы изображен со стоячим воротником козырем, для Югова это было бы непреложным свидетельством!

13). **...не «ножичек» и не «свайку» детскую для метания в кольцо, лежащее на земле, а нечто более страшное — «нож убийц» увидели Шуйский, Клешнин, митрополит Геласий и дьяк Вылузгин на окровавленном теле убиенного. Но где этот нож?** Об сфабрикованных уликах, Нагими в виде ножей и дубинки подброшенных убийцам было в свое время выяснено следственной комиссией... Естественно, настоящий «виновник» гибели царевича – ножик или свайка, никак им не подходил и он видимо был попросту уничтожен... Не следует забывать, что первые три дня после трагедии в Угличе всем заправляли Нагие...

14) И в целом: сам тон статьи предвзят и страдает кренами: царевич преподносится в уменьшительно-умиленных характеристиках, его якобы убийцы – сплошь нарисованы черным цветом. Этим достигается если и не строго доказательная база, то эмоциональный перевес в пользу виновности Годунова. Подобная статья хороша, например, как речь адвоката/прокурора пред присяжными заседателями, но вряд ли может претендовать на конечность Исторической истины.

На Бориса Годунова всегда сваливали «всех собак» за все несчастия на Руси того периода... Он стоял как кость в горле у всей именной аристократии. Его проклинали крестьянство за якобы отмену Юрьева дня, духовенство за то, что он им навязал непопулярного патриарха Иова... Конечно, семья Нагих откровенно ненавидела Годунова, только и ждала *случая*... То же самое можно сказать и о семействе Шуйских, для которых Годунов был несомненным врагом №1... И то, что во главе Следственной комиссии был поставлен именно враг Годунова, уже говорит о многом... Ведь давать подобное оружие накануне серьезных испытаний и потрясений (в чем Годунов не сомневался), значило добровольно класть голову на плаху! Но всемогущий Правитель этого не боялся – отчего, если совесть его не чиста? Ведь тот же Шуйский мог найти и припрятать до поры до времени неопровержимые улики и доказательства! Борис Годунов не боялся правды – таковых улик не было и в общем-то по сей день нет! Все материалы – подчеркиваю ВСЕ – говорят об его полной невиновности. Виновным его выставляют не современники-летописцы, а поздние «свидетели», современниками ему были лишь слухи, сплетни и наветы...

=====  
Оцифровано с бумажного оригинала Дмитриенко М.А. (Алма-Ата) – [grave14@yandex.ru](mailto:grave14@yandex.ru), © 2009 г.  
Для сайтов [www.wasp.kz](http://www.wasp.kz) и [www.pretich.narod.ru](http://www.pretich.narod.ru) – любое использование данного материала должно нести  
ссылку на эти веб-ресурсы!  
OCR и обработка полностью соответствуют оригиналу – если Вы обнаружите ошибки, пожалуйста, напишите  
мне по вышеуказанному адресу электронной почты!  
=====